

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-173-184
УДК 371

**«Ты дефективный или аморальный?».
Проблемы селекции и социализации «морально-дефективных» детей
в 20-е гг. XX века в Советской России: региональные аспекты**

Павел Петрович ЩЕРБИНИН, Инна Александровна ШИКУНОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>, e-mail: inna-barsukova82@mail.ru

**“Are you defective or immoral?”.
Problems of selection and socialization of “morally defective” children
in the 20s of the 20th century in Soviet Russia: regional aspects**

Pavel P. SHCHERBININ, Inna A. SHIKUNOVA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>, e-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены региональные особенности системы социальной защиты «морально-дефективных» детей в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.). На основе привлечения и обработки широкого комплекса первичных архивных источников и других материалов были репрезентативно и комплексно исследованы различные малоизученные аспекты заявленной научной проблемы. Выявлены типично региональные особенности формирования системы социального воспитания в отношении беспризорников и детей с криминальными наклонностями в период становления нового социалистического государства на губернском и уездном уровнях, отличавшихся от столичных проектов и наставлений. Выявлена спонтанность и спешность в поиске различных форм и методов организации призрения таких социально-запущенных детей. Уточнены основные воспитательные практики и организационные мероприятия по возможностям и потребностям провинциальных учреждений социального воспитания. Выявлены основные пути и методы работы с несовершеннолетними правонарушителями в рассматриваемый период. Сделаны выводы о результатах и особенностях поддержки таких «особых» детей и подростков на уровне губернии и уезда, что позволило реконструировать систему социальной защиты постреволюционной России. Особое внимание уделялось социальной защите детей работниц женсоветов и других региональных общественных организаций. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических общественно-политических, социокультурных и этноконфессиональных особенностей системы социального воспитания. Уточнены факторы, оказывавшие наиболее сильное влияние на кадровый состав, финансирование детских социальных учреждений, а также тенденции их развития в советскую эпоху. Выявлено катастрофическое воздействие новой экономической политики на региональную систему социального воспитания и собственно работу детских домов, куда собирались беспризорные дети, у которых отсутствовали другие возможности для социализации и выживания.

Ключевые слова: социально-дефективные дети; детские дома; советская власть; дети-сироты; беспризорники; аморальные дети; социальное воспитание; провинциальный социум

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333.

Для цитирования: Щербинин П.П., Шикунова И.А. «Ты дефективный или аморальный?». Проблемы селекции и социализации «морально-дефективных» детей в 20-е гг. XX века в

Советской России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 181. С. 173-184. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-173-184

Abstract. We consider the regional features of the social protection system of “morally handicapped” children in Tambov province in the first decade of Soviet government (1918–1928). We representatively and comprehensively investigate various poorly studied aspects of the declared scientific problem on the basis of attraction and processing of a wide complex of primary archival sources and other materials. We reveal typical regional features of the social education system formation in relation to homeless children and children with criminal tendencies in the formation period of the new socialist state at the provincial and county levels, different from the capital’s projects and instructions. We also show spontaneity and haste in the search for different forms and methods of organization of care for such socially neglected children. We clarify the main educational practices and organizational measures for the opportunities and needs of provincial institutions of the social education. We identify the main ways and methods of work with juvenile offenders during the period under review. Conclusions are drawn about the results and features of support for such “special” children and adolescents at the level of the province and county, which allowed to reconstruct the system of social protection of post-revolutionary Russia. Special attention was paid to the social protection of women’s councils female workers’ children and other regional public organizations. Attention is paid to the importance of taking into account regional specifics and specific historical, socio-political, socio-cultural and ethno-confessional features of the social education system. We clarify the factors that had the strongest impact on the personnel, financing of children’s social institutions, as well as trends in their development in the Soviet era. We reveal the catastrophic impact of the new economic policy on the regional system of social education and the work of orphanages, where homeless children gathered, who lacked other opportunities for socialization and survival.

Keywords: socially defective children; orphanages; soviet government; orphans; homeless; immoral children; social education; provincial society

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333.

For citation: Shcherbinin P.P., Shikunova I.A. «Ty defektivnyy ili amoral’nyy?». Problemy selektsii i sotsializatsii «moral’no-defektivnykh» detey v 20-e gg. XX veka v Sovetskoy Rossii: regional’nyye aspekty [“Are you defective or immoral?”. Problems of selection and socialization of “morally defective” children in the 20s of the 20th century in Soviet Russia: regional aspects]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 181, pp. 173-184. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-173-184 (In Russian, Abstr. in Engl.)

«Особенные», «трудно воспитуемые» дети с нетипичным поведением, социальными ролями и психикой существовали на всем протяжении существования человеческой цивилизации. Отношение к таким своеобразным проявлениям детского или подросткового возраста было всегда очень различным. Кого-то сжигали на кострах, кого-то отправляли в тюрьму или на каторгу, кого-то нещадно пороли, изгоняя из привычного и традиционного «мира» и социума, кому-то была уготована участь специального заведения (спецприемника, детской колонии или лагеря).

Сегодня в России также существуют комиссии по делам несовершеннолетних, особые места заключения для детей и подростков с криминальными наклонностями, деви-

антным поведением и «уголовными» привычками. В этом контексте изучение опыта и традиций обучения, воспитания и социализации таких «исключительных», «необучаемых», самобытных «особенных» детей в советскую эпоху представляется весьма актуальным и востребованным. Понятно, что советская система детского воспитания и образования была достаточно успешной, развитой, отлаженной и многообразной. Она включала в себя организацию учебной, трудовой, общественной деятельности, прививала навыки самоорганизации и инициативы, имела добротные традиции трудового, коллективного, интернационального воспитания, которые базировались на традициях советской школы, в том числе и политических

ее компонентах и организационных структурах (октябрята, пионеры, комсомольцы). Но следует признать, что всякий раз индивидуальность, «непохожесть», радикальность мыслей и поступков, независимость и чувство собственного достоинства, высокая самооценка и осознание «особости» подлежали обструкции и требовали принятия специальных мер по «исправлению» и «искоренению» каких-то ненужных, «не типичных», частных проявлений и склонностей. Нежелание, а нередко и невозможность быть как все и иметь общие черты поведения, внешнего облика, настроений и социальных предпочтений превращали таких «индивидуалистов» в изгоев, люмпенизация и отчуждение которых становились нормой и дополнялись привычными шаблонами и оценочными суждениями: «недоразвитые», «запущенные», «пропащие», «трудные», «безнадзорные» и прочие дети.

Что же происходило в 20-е гг. XX века с сотнями тысяч таких «брошенных» и потерянных детей, беспризорников и хулиганов, лишенных родительского и социального попечения, предоставленных самим себе и не видевших нередко никакого выхода из сложившейся ситуации в результате войн и революций, реформ и преобразований, ломки традиционного уклада жизни и всего, что окружало обычно ребенка и подростка в «нормальной», «мирной», «обычной» жизни? Дети являлись главными жертвами катастрофических изменений и тектонических вызовов, которые выпали на долю населения Российской империи в начале XX века и первых десятилетиях коммунистического режима. Традиционное сиротство, возникавшее при болезни и смерти родителей, стихийных бедствиях и геоклиматических неурядицах (голоде, засухах, эпидемиях), очень скоро стало уступать «социальному» сиротству, которое резко возросло в результате гибели отцов, а нередко и матерей в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг., проявлений революционного молоха и трагических последствий братоубийственной Гражданской войны 1918–1922 гг. Вся провинциальная Россия была истерзана революционными переменами: продразверсткой, мобилизациями, реквизициями, тотальными репрессиями в отношении всех, кто выражал недовольство новым «коммунистическим раем» либо принадлежал к чуждым непролетарским группам

и слоям общества (духовенству, интеллигенции, полиции, военным и просто «бывшим»). В этих условиях социальное сиротство, порожденное политическим и военным насилием, стало основным фактором развития новой советской государственности.

Кто же относился к этой категории социально-запущенных детей и подростков советской эпохи? Кем же были эти «аморальные», «социально-дефективные», «морально-дефективные» дети?

Ответ на этот вопрос надо искать в самом определении «социальной дефективности» [1], сложившемся задолго до прихода к власти большевистского режима [2]. Заметим, что достаточно стереотипной является традиция отнесения термина «дефективные дети» к социальной политике и воспитательным практикам советской власти в 20-е гг. XX века [3]. Между тем наиболее часто о морально-дефективных детях упоминалось на съездах представителей исправительных заведений Российской империи задолго до 1917 г. [4, с. 257]. Современные исследователи указывают, что социальная политика и практика в дореволюционной России имела вполне схожие черты с европейскими педагогическими и организационно-управленческими воззрениями [5].

Отечественный ученый, врач-психиатр В.П. Кащенко в своих работах специально выделял «исключительных (дефективных детей)», включая туда и детей с недостатками психического развития, трудновоспитуемых, нервных, запущенных и беспризорных [6, с. 52-53]. Удивительно, но концепция В.П. Кащенко о важности создания единой сети специальных школ для «аномальных» детей начала широко и успешно реализовываться лишь при советской власти [7]. Так, уже в январе 1918 г. при комиссариате призрения (позже социального обеспечения) был сформирован Отдел дефективных детей, задачей которого было «извлечение несовершеннолетних из тюрем и размещение их по приютам»¹. В это время начала работу коллегия, в состав которой входили психиатры, педагоги и юристы. Из столицы в провинцию шли потоком инструкции и рекомендации по организации специальных воспитательно-

¹ Сборник Декретов народных комиссаров. Сборник № 2. По Комиссариату социального обеспечения (призрения). Тамбов, 1918. С. 6.

исправительных заведений для нравственно-дефективных детей [8].

Заметим, что различные аспекты социального воспитания в советский период активно привлекали внимание ученых, педагогов, воспитателей, политических и общественных деятелей, среди которых были П.П. Блонский, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, С.Т. Шацкий, Л.С. Выготский и мн. др.

Власти всех уровней формировали специальные школы для нравственно-дефективных детей, которые относились изначально к системе народного просвещения. Однако уже в конце 1919 г. было принято решение об особом порядке подчинения данных спецшкол:

- воспитание морально-дефективных детей передавалось в учреждения Наркомпроса или Наркомздрава;
- несовершеннолетние, которых обвиняли в общественно-опасных деяниях, определялись решениями комиссий о несовершеннолетних в учреждения Наркомздрава или Наркомпроса [9, с. 52-53].

Особое значение придавалось и учреждениям «правовой защиты детей». Судя по статистическим отчетам за 1923 г., было открыто 169 стационарных учреждений, которые обслуживали морально-дефективных детей в изоляторах, домах принудительного воспитания, домах и школах для морально-дефективных [10].

Самыми «опасными» для нового политического режима в стране Советов считались «новые дефективные» дети-беспризорники и уличные дети и подростки [11]. Так, термин «дефективные дети» получил новое толкование и включил общее название «морально-дефективные» дети. В провинциальной России никому, никогда и ни к чему было проводить селекцию, анализ жизненных обстоятельств и здоровья таких детей, а проще было причислить их к морально-дефективным и поместить в особые детские дома и интернаты [8].

Как же справлялись с социально-дефективными и аморальными детьми на региональном уровне? Насколько успешной была в Тамбовской губернии работа по социальной защите и заботе о детях с такими «проявлениями» дефективности?

Примечательно, что проблема социальной защиты дефективных детей в Тамбов-

ской губернии в первые годы советской власти была неразрывно связана с детскими исправительными учреждениями. Уже 24 марта 1919 г. коллегия губоно приняла постановление об организации при губсоцвосе секции дефективных детей, и с января 1920 г. эта секция начала работать². 6 апреля 1920 г. из ведения губздравотдела в ведение губсоцвоса была передана комиссия по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях.

Как справедливо заметила Т.М. Смирнова, детские дома для «трудновоспитуемых детей» при Наркомпросе совсем немного отличались от исправительных детских учреждений НКВД. Кроме того, при Наркомате социального обеспечения действовала специальная Комиссия несовершеннолетних, занимавшаяся организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. в столице, а позже и в провинции были созданы «Комиссии для несовершеннолетних», которые могли освободить подростка в случае признания его проступка незначительным либо направить его для исправления в соответствующее учреждение [9, с. 53]. Фактически же в учреждениях для «социально-дефективных» детей содержались и дети-инвалиды, дети-калеки, все, кого власти относили к «физически-дефективным».

Руководитель подотдела социального воспитания губнаробраза Е.А. Васильева в своей программной статье, опубликованной в январе 1919 г. в «Вестнике просвещения», решительно заявила, что в Тамбовской губернии главной задачей считалось – «уничтожить условия, создающие кадры преступников, идиотов, больных и несчастных, и сделать общественный организм крепким и сильным, устранив из него дряблых членов» [12]. Однако такие амбициозные установки наталкивались на недофинансирование, различные образовательные и воспитательные коллизии, конфликты в самих детских социальных учреждениях, непонимание того, как надо воспитывать нового человека «новой» советской эпохи.

На практике нередко «сложных» и «трудновоспитуемых» детей просто пересылали из одного учреждения в другое. Так,

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 102. Л. 54.

Кирсановский отдел народного образования просил вернуть в г. Тамбов пятерых «дефективных» детей (правонарушителей), так как в уездном городе не было и не планировалось организовывать дом для дефективных детей. В обращении указывалось, что «пробывание препровождаемых правонарушителей в детских домах нормальных детей немислимо: они деморализуют соприкасающихся с ними детей, ведут их к верной гибели»³.

Тамбовский губернский отдел социального обеспечения аналогично просил в том же 1919 г. срочно озаботиться созданием колонии для дефективных детей, в которую через 3–4 дня будут присланы дефективные дети из детского дома «Ленина» в количестве 6–8 человек, так как «...из-за блага нескольких дефективных детей преступно нарушать жизнь 170–200 детей, находящихся в доме «Ленина».

Летом 1919 г. остро встал вопрос об организации приемника для «аморальных» детей в г. Тамбов. Для этого был передан дом № 133 по улице К. Маркса, рассчитанный на 15 детей. Заведующий подотделом социального воспитания просил инспектора труда разрешить детям из приемника аморальных детей работать на разгрузке дров на пристани Казанского монастыря. Он считал, что детям от 14 до 17 лет важно предоставлять постоянные занятия ввиду незаконченности обособления вновь организуемого приемника⁴. Понятно, что детей надо было чем-то занять, так как никаких учебных занятий или воспитательной работы с ними в этот период не планировалось. Кроме того, воспитанников приемника очень плохо кормили. Так, в июле 1919 г. им отпускались только хлеб, пшено, чечевица, соль, сахар, чай. Ни жиров, ни овощей в горпродотделе не было. «Аморальные» дети питались очень скудно. Часто они были предоставлены сами себе и не имели постоянного надзора и заботы со стороны взрослых.

В октябре 1919 г. Секретный отдел губчека Тамбовской губернии был вынужден обратиться в губотдел народного образования: «По имеющимся сведениям, в колонии малолетних преступников нет никакого надзора, так что находящиеся дети уходят из помещений на базар и там уже вновь про-

должают свои гнусные поступки. Поэтому секретный отдел просит Вас принять все зависящие от Вас меры, дабы избежать дальнейших нареканий в строительстве советской власти»⁵. Для наказания провинившихся несовершеннолетних преступников имелся изолятор, находившийся в ведении Губнаробраза⁶.

Однако социально-политические, финансово-организационные метаморфозы системы образования и воспитания, общая нестабильность и постоянные «оптимизации» детских учреждений в регионе не давали возможности реализовать даже отдельные позитивные изменения в жизни детей. Так, единственная в Тамбовской губернии ремесленно-воспитательная школа для аморальных детей была занята в 1919 г. под военный постой⁷. Военные «оккупировали» также под расквартирование все удобные для них здания в городах Тамбовской губернии, безжалостно выпроваживая из них детей и детские учреждения. В Козловском уезде, по сообщениям властей, все «...имеющиеся школьные здания заняты под войсковые части 8 армии, и учебные занятия не проводились»⁸. Из Усманского уезда сообщали, что уезд в 1919 г. представляет собой прифронтовую полосу, а работников и специалистов не имелось. Но школу для дефективных детей открыть в уезде можно, если «взять для этой цели какое-либо из имений, в частности, имение в Павловской волости»⁹. На бывшие дворянские имения советские управленцы рассчитывали и позже, но большинство «дворянских гнезд» было уже разграблено, сожжено и уничтожено бессмысленным и беспощадным «русским бунтом».

Впрочем, в этот период отмечались и попытки реанимации и создания ремесленно-воспитательных школ для малолетних преступников, имевшихся прежде в Тамбовской губернии. Так, ремесленно-воспитательная школа для морально-дефективных, обвиняемых в общественно-опасных деяниях, носила название «Колония № 10». В этой колонии работали: Карл Людвигович Вааде – заведующий и исполняющий обязанности воспи-

⁵ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 223. Л. 15.

⁶ Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 146.

⁷ ГАТО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.

⁸ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 39.

⁹ Там же. Л. 43.

³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 222. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 7.

тателя; Карл Иванович Топс – огородник; Иван Антонович Гонуско – кучер; Семен Данилович Криворотов – сапожник. Единственным специалистом по работе с аморальными детьми был Евгений Михайлович Рубинов – воспитатель¹⁰. В августе 1919 г. в Арженском советском хозяйстве Тамбовского района в 30 км от Тамбова в селе Рассказово была создана ремесленно-воспитательная школа для 100 детей-преступников. Однако власти так и не обеспечили это воспитательное учреждение необходимым инвентарем, огородами для работы и выращивания овощей. Но все же главной проблемой были кадры. Имевшиеся воспитатели не занимались детьми, и они были предоставлены сами себе, а один из воспитателей страдал чахоткой и «харкал кровью при воспитанниках»¹¹. Подобная антисанитария и хаос в организации воспитательной работы приводили к частым побегам детей, а также их дополнительной криминализации и безнадзорности.

В 1919 г. в Тамбовской губернии были организованы секции правовой защиты детей при уездных и губернском отделах народного образования. Кроме того, в уездах действовали комиссии о несовершеннолетних обвиняемых в общественно-опасных деяниях. Так, в уездном г. Липецк такая комиссия была создана 1 августа 1919 г. и состояла из четырех членов: представителей отделов народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и юридического бюро. Было принято 56 дел из отделов народного образования и здравоохранения¹². По каждому делу принималось конкретное решение и составлялась отчетность.

Темниковский уездный подотдел охраны здоровья детей сообщал 25 октября 1919 г., что на очередном заседании комиссии было рассмотрено 16 дел. Было решено: два дела прекратить ввиду того, что они возникли до 25 октября 1917 г., и обвиняемым уже исполнилось 17 лет, одно дело было решено прекратить ввиду отказа потерпевшего от обвинения, пять дел отложили ввиду неявки обвиняемых¹³.

В Темниковском же уезде в конце 1919 г. были открыты две школы для дефективных

детей по 100 человек. Кроме того, в ведении комиссии по делам несовершеннолетних преступников имелось 49 малолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях¹⁴.

Иногда местные власти выступали с инициативами по совершенствованию надзора над несовершеннолетними. Так, из г. Борисоглебск сообщали, что в марте 1919 г. была создана уездная комиссия по делам о несовершеннолетних, обвиняемых в действиях общественно-опасных. Всего было рассмотрено 26 дел. Из общего числа малолетних 10 были оправданы комиссией, 15 были признаны действующими по недоразумению и отданы под надзор родителей и одного постановили поместить в воспитательно-исправительное заведение.

Комиссия предполагала создать штат братьев и сестер социальной помощи и устроить колонию для дефективных детей, куда бы она могла направлять малолетних. Однако все эти планы не были осуществлены, так как «вследствие эвакуации работа комиссии временно прекратилась»¹⁵.

В некоторых уездах Тамбовской губернии комиссии о несовершеннолетних так и не были созданы, а местные власти лишь просили прислать инструкции о том, кто и как будет содержать воспитателей – обследователей губздрав или губнаробраз, а также куда помещать подростков-преступников, если нет никаких специальных для них заведений? Нередко между чиновниками уездного и губернского уровней велась активная переписка, запрашивались инструкции и бланки, но не было реальной деятельности и результатов¹⁶.

Пытались включаться в проблему работы с несовершеннолетними работницы женотделов. Так, в тезисах к докладу подотдела Охраны детства на губплenumе отдела работниц 3 января 1921 г. указывалось, что главная задача подотдела охраны детства – дать государству здорового, работоспособного гражданина, воспитанного в коммунистическом духе.

Во исполнение данной задачи охраны жизни ребенка Подотдел планировал организовать широкую сеть детских домов, общественные столовые, снабжение обувью и одеж-

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 349. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 34.

¹⁵ Там же. Л. 20-21.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 9-10.

дой как организованных, так и неорганизованных детей. Футуристический прогноз подотдела Охраны и детства был зафиксирован в производственном плане на 1921 г.: «...открыть 120 детских домов по 60 человек в каждом, 3 школы для слепых, 3 школы для глухонемых, 14 приемников для аморальных детей, 3 школы для дефективных, 11 приемных пунктов на железнодорожных станциях...»¹⁷ Понятно, что в условиях нэпа все эти планы остались неосуществленными и были лишь несбыточной мечтой женщин-активисток.

Более точные данные и реалистические планы прозвучали в докладе на губернском пленуме работниц 14 августа 1920 г. Докладчик Селецкий указывал, что «...все дела о преступности подростков выделяются из общей подсудности и передаются в отдел Охраны детства и носят лечебно-воспитательный характер. Война создала огромный контингент беспризорных детей. Каждый день с поездов привозят по 10–15 детей, совершенно предоставленных самим себе. Детские дома переполнены до 150 %, существует огромный недостаток почти во всех домах...».

Принимая во внимание прежнее воспитание в приютах, которые не способны были из своих питомцев сделать человека с определенной подготовкой для дальнейшей самостоятельной жизни, отдел Охраны детства ставит себе боевую задачу: провести в детских домах трудовые принципы, дав в руки каждого воспитанника дело, которым он мог бы существовать в дальнейшей жизни»¹⁸. Заметим, что новые советские управленцы активно использовали «военную» терминологию, которая, как им казалось, была бы более успешна и понятна для подчиненных. Частично элементы такой «милитаризации» вносились и в систему образования и воспитания для морально-дефективных детей.

В это же время отдел Охраны детей планировал устроить и институт «Сестер и братьев в социальной помощи», который брал бы на себя воспитание и защиту личности ребенка. Этот институт опекунов над личностью ребенка должен был содействовать воспитанию не только в общественных детских учреждениях, но и работать с детьми, живущими в семье. Примечательно,

что Подотдел ставил своей задачей полную «ликвидацию дефектов физических и моральных» в Тамбовской губернии.

К осени 1921 г. в Тамбовской губернии имелось 12 комиссий о несовершеннолетних правонарушителях, в составе которых были педагоги, медики и юристы. По характеру преступлений, совершенных подростками, выявлены были следующие показатели: 65 % – воровство, 20 % – хулиганство, 10 % – спекуляция, 5 % – все (поджоги, подделка денег, оскорбление и пр.). Дети, прошедшие комиссию, подвергались: внушению, отдаче под опеку, помещению в детские дома, заключению в карцер. Как признавали сами члены комиссии, количество преступлений непрерывно возрастало в зависимости от ухудшения социальных условий вообще и роста дороговизны в особенности¹⁹.

Современники констатировали, что борьба с преступностью тормозилась отсутствием исправительных учреждений и плохой постановкой дела в существующих приемниках и домах для дефективных детей. Приемники были очень плохо снабжены материально и педагогическими силами и большей частью перегружены²⁰. Не случайно в № 8 «Вестника просвещения» за декабрь 1921 г. отмечалось, что в детском доме ребенок «должен был получать полное удовлетворение всех своих запросов», но возникали «непреодолимые препятствия: недостаток денежных и материальных средств, помещений, коммунистически воспитанного персонала, изобилие мертвящих традиций и т. п.». Руководители губернского наробраза указывали, что «огромные массы детей, выпавшие из-под влияния семьи, не могущие быть приняты в нормальные учреждения соц. восп. и идущие по пути беспризорности, нищенства, спекуляции и правонарушений, нуждаются в сети «аморальных учреждений», в сети организаций по «Правовой защите несовершеннолетних», всякая нужда в которых совершенно отпадет, когда все дети страны будут воспитанниками нормальных детских домов»²¹. Таким образом, спустя 4 года после революции 1917 г. региональные руководи-

¹⁹ Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 162.

²⁰ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922.

²¹ Вестник просвещения. 1921. № 8. С. 19–20.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 1об.

¹⁸ Там же. Л. 30об.

тели наробраза были уверены, что все дети в недалеком будущем будут воспитываться в системе социального воспитания в детских домах!

В целом, в отчете по социальному воспитанию в Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. указывались достижения и результаты работы по социально-правовой защите несовершеннолетних. Борьба с детской социальной беспризорностью и дефективностью велась при наличии следующих учреждений: приемников-распределителей – 5, приемников-коллекторов – 1.

В Тамбове имелось 12 детских домов для дефективных детей (слепых – 1, глухонемых – 2, умственно-отсталых – 1, морально дефективных – 4, смешанного типа – 4). В детских домах для дефективных детей преследовалась главным образом цель исправления характера и дурных наклонностей детей к хулиганству, бродяжничеству и пр. Однако суровая и скудная обстановка сама по себе толкала подростков к воровству и побегам²².

В колониях для малолетних преступников отсутствовали мастерские и нужная обстановка, которая была бы необходима для удержания воспитанников от преступных наклонностей. Часто дети и подростки были предоставлены сами себе и находились вне контроля воспитателей. Работники подобных учреждений выполняли, по сути, функции надзирателей и сторожей, но совершенно не занимались обучением и воспитанием детей и подростков.

По признанию работников губнаробраза, детская беспризорность заметно уменьшилась в связи с реализацией урожая и уменьшением голодания в 1922 г., но вследствие обще-социального потрясения губернии за последние два года вне домов находилось значительное число сирот, полусирот и детей экономически бедствующих жителей Тамбовской губернии, которые составляли в общей сложности не менее половины принятых в детдома детей. Эти дети не получали ни образования, ни должного питания и являлись беспризорными во всех отношениях²³. К тому же в Тамбовской губернии из-за сокращения финансирования и недостатка средств

были ликвидированы подотделы правовой защиты детей, а сотрудники этих учреждений сокращены и уволены.

По мнению специалистов губнаробраза, «детская дефективность проявлялась разнообразно: в состоянии недоразвития или поражения может находиться любая сторона физической или душевной организации ребенка или целый ряд сторон. Так, кроме чистых видов слепоты, глухоноты, моральной и умственной отсталости бывали и смешанные страдания, например, умственное недоразвитие на почве легкой глухоты, подслеповатости, недоразвития речи, нервности и т. д. Дореволюционная и современная практика воспитания и образования дефективных детей устанавливала очень сложную и дробную группировку дефективных детей внутри детучреждений». Но в условиях последствий «антоновщины» и геоклиматических кризисов (голодков, засухи и пр.) сеть детучреждений была очень примитивна, груба и далеко отставала в своем совершенстве от требований дефективной педагогики.

При дальнейшем планировании работы губнаробраз предлагал:

1) реорганизовать в Тамбове и открыть в Моршанске и Липецке «колонии для малолетних преступников»;

2) провести в губернии агиткомпанию за частное патронирование детей и разместить в этом порядке до 1000 человек;

3) реэвакуировать из Тамбовской губернии детей-беженцев;²⁴

4) предлагалось открывать также «дома принудительного воспитания детей» и созвать съезд губнаробраза по борьбе с дефективностью и беспризорностью²⁵.

Для рассмотрения дел о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях, действовали комиссии о несовершеннолетних при подотделе правой защиты несовершеннолетних унаробраза. К этому времени Уголовный кодекс понизил возраст полной ответственности перед судом за совершенные преступления до 16 лет²⁶. Если подросток не поддавался мерам воспитательного воздействия, он направлялся в при-

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Вестник просвещения. 1922. № 2-3. С. 29.

²⁶ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 57.

²² Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 33.

²³ Там же.

емник для аморальных детей в г. Тамбов, впоследствии переведенный в бывшую колонию малолетних преступников. Общими мерами воспитательного воздействия были беседы, разъяснения и замечания, отдача детей под присмотр родителей или родственников, а также специальных воспитателей²⁷.

К концу 1922 г. сохранялось лишь несколько форм организации детских учреждений: приемники-распределители (временного пребывания), детские дома, детские приюты для детей младшего возраста и детские колонии, как правило, для детей старших возрастов²⁸. В целом, в период нэпа 98,6 % детских домов были ликвидированы. Современники однозначно негативно оценивали последствия нэпа для детских учреждений, в том числе и для домов для дефективных и аморальных детей²⁹.

В 1924 г. работа по социально-правовой охране несовершеннолетних состояла в борьбе с детской беспризорностью и преступностью, а также оказании юридической помощи беспризорным. Эта работа осуществлялась через комиссию о несовершеннолетних и институт детской инспекции и опеки. Всего в Тамбовской губернии имелось 4 приемника и 2 детских дома для социально запущенных детей в Моршанске и Тамбове.

Комиссиями о несовершеннолетних было рассмотрено 192 дела о 1178 несовершеннолетних, которых обвиняли в кражах, драках, игре в карты, гонке самогона и пр. После разбора дел несовершеннолетние были направлены: в детские дома – 97, школы – 50, детские учреждения дефективных – 648, под надзор школьных работников – 113, в нарсуд – 45, сделаны разъяснения и внушения – 110³⁰.

Власти признавали, что положение в детских домах было тяжелое. Питание поставлено удовлетворительно, но с обмундированием обстояло очень плохо. Дети некоторых детских домов не могли даже выходить на свежий воздух за отсутствием обуви и одежды³¹. Прошло почти семь лет, как в регионе установилась советская власть, но

положение детей в детских домах было бедственным, что свидетельствовало о провале максимальной заботы «пролетарского государства» о детях как «цветах жизни»...

С 1925 г. параллельно с деткомиссией действовало общество «Друг детей» (ОДД) [13]. Но, точного учета беспризорных в Тамбовской губернии не проводилось. Велась только регистрация беспризорных, проходивших через детские социальные инспекции в городах. Через эту регистрацию прошел 2441 человек, из которых было направлено в детские дома 230 человек, отправлено на родину 1847 детей, и остальным оказана материальная помощь питанием, ночлегом и обмундированием³². Активно работали в этот период и детские инспекции, через которые прошло 3920 беспризорников. Для трудно-воспитуемых детей и правонарушителей имелось два детдома: в Моршанске на 355 человек и в Тамбове на 80 человек³³.

Проблема детской беспризорности, а значит, и детской преступности не снялась с повестки дня и в 1926 г. Не случайно 8 марта 1926 г. СНК СССР и Президиум ВЦИК приняли положение «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР». СНК признал необходимым:

- выпустить из детдомов подростков, устроив их в крестьянские семьи, к кустарям, ремесленникам и на производство с оказанием единовременной помощи в размере 50 руб. на подростка;
- расширить трудовые исправительные дома НКВД для трудно-воспитуемых подростков;
- расширить сеть детских учреждений для беспризорных детей³⁴.

В 1927 г. постановление ВЦИК определило права и обязанности деткомиссии в новых условиях. Ее состав должен был определять губисполком. В связи с изменениями территориально-административного устройства 28 июля 1928 г. была образована окрдеткомиссия, которая продолжала работу по предупреждению беспризорности. Иногда публиковались данные о том, что близко уже победа над беспризорностью, но это были

²⁷ Там же. С. 58.

²⁸ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

²⁹ Вестник просвещения. 1922. № 2-3. С. 30.

³⁰ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 82.

³¹ Там же. С. 61.

³² Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 82.

³³ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 138.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

все же мечтания и прожекты. Реальность была иной.

Козловский уисполком сообщал в 1928 г. в губисполком о том, что беспризорные дети собирались с железнодорожных вокзалов, базаров и других мест, после чего направлялись в детский дом-приемник, который содержал детей в возрасте до 16 лет. Беспризорники с 16 лет, как правило, уже являлись рецидивистами и имели связь со взрослыми ворами и хулиганами. Эти великовозрастные беспризорники являлись главными «заразителями» детей младшего возраста, подчиняя их своей силе, обучали скитаться, производя кражи, дебоши и набеги. «Одно время таковые задерживались и направлялись в уголовный розыск или милицию, но за неподсудностью по возрасту отпускались на волю или препровождались в «ночлежку» УОНО, где мстили, угрожая взрослым, в том числе воспитателям, и избивая менее испорченных малолетних. Небольшой процент таких «великовозрастных» имелся в детском доме-приемнике, куда они непосредственно были направлены из ночлежки. Вывод, сделанный Козловским уисполкомом по результатам своей работы с беспризорными, гласил, что меры воспитания, прилагаемые к великовозрастным беспризорным, не подходили, и эти ребята разлагали устои трудового воспитания»³⁵. До полной ликвидации беспризорности было еще очень-очень далеко...

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что региональные власти пытались по мере возможности решать проблему социализации и регламентации беспризорных детей, детей-преступников, но чаще всего инициативы и практические шаги по воспитанию и обучению «социально-запущенных» детей и подростков не могли

быть реализованы по причине отсутствия средств и продовольственных ресурсов. Не случайно дети, имевшие склонность к бродяжничеству и криминальной практике, убежали из режимных учреждений, пытались самостоятельно обеспечить себе пропитание, кров и другие ресурсы.

Следует заметить, что и спустя десятилетия в общественно-педагогической литературе и практике работы образовательно-воспитательных учреждений продолжали сохраняться различные проявления толкования «социальной дефективности» [14]. По оценкам К. Келли, с середины 1930-х гг. в положении детей в СССР произошли серьезные институциональные сдвиги. Для малолетних правонарушителей это оборачивалось сворачиванием проведенных реформ первых лет советской власти и возвращением в пределы традиционной исправительной системы, становившейся все более перегруженной, закрытой и бесчеловечной. Кроме этого, перемены затронули и обычную детскую безнадзорность, так как отныне всякий ребенок моложе 14 лет, не имевший родителей или ими отвергнутый, должен был содержаться обязательно в специальном учреждении – независимо от его воли и согласия [15].

Важно учитывать, что беспризорники традиционно считались «социальными отщепенцами», что вполне отражало сложившийся стереотип в общественном сознании о «моральной дефективности». Лишь к концу 1920-х гг. проблема социализации и перевоспитания беспризорников потеряла свою прежнюю актуальность, а клеймо «моральной дефективности» было отвергнуто как идеологически неверное и от него поспешили избавиться в педагогике и информационных ресурсах Советской эпохи.

³⁵ ГАТО. Р-1. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1.

Список литературы

1. Крашевская И.А. Проблема обучения «дефективных» детей в период становления советского государства // Наука, техника, образование. 2015. № 2 (8). С. 106-107.
2. Рябинина Н.В. «Морально-дефективные» – кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший...: исторический альманах. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 1999. С. 57-66.
3. Колокольникова З.У., Подлесная Н.В. Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1-1. С. 136-140.
4. Дефективные дети и школа / под ред. В.П. Кашенко. М., 1912. 279 с.

5. *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2005. № 1. С. 158.
6. *Кащенко В.П., Мурашев Г.В.* Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание / с пред. Н.А. Семашко. М., 1929. 125 с.
7. *Щербинин П.П.* «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века: региональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24. № 178. С. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148.
8. *Щербинин П.П.* «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 365 с.
9. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2015. 382 с.
10. *Бадулин В.В.* Учреждения социального воспитания // Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 1-е апреля 1923 г.) / под общ. ред. К.А. Коноваловой. М., 1923. С. 10-12.
11. *Рябинина Н.* По делам «морально-дефективных» // Родина. 2011. № 11. С. 99-101.
12. *Васильева Е.А.* Задачи социального воспитания // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 10.
13. *Смирнова Т.М.* Детские дома и трудовые колонии: жизнь «государственных детей» в Советской России 1920–1930 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 16-38.
14. *Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / под ред. И.В. Кукулина, М.Л. Майофис, П.А. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
15. *Kelly C.* Children's World, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007.

References

1. *Krashevskaya I.A.* Problema obucheniya «defektivnykh» detey v period stanovleniya sovetskogo gosudarstva [Problems of “handicapped children” education in the period of Soviet state]. *Nauka, tekhnika, obrazovaniye – Science, Technology and Education*, 2015, no. 2 (8), pp. 106-107. (In Russian).
2. *Ryabinina N.V.* «Moral'no-defektivnyye» – kto oni? K istorii detskoj besprizornosti i prestupnosti v 1920-e gody. [“Morally defective” – who are they? To the history of child homelessness and juvenile delinquency]. *Vek nyneshniy, vek minuvshiy... [Present Century, Past Century...]*. Yaroslavl, P.G. Demidov Yaroslavl State University Publ., 1999, pp. 57-66. (In Russian).
3. *Kolokolnikova Z.U., Podlesnaya N.V.* Uchrezhdeniya sotsial'nogo vospitaniya dlya moral'no-defektivnykh detey v Priyeniyskoy Sibiri v 20–30-e gody XX veka [Institutions of social education for morally defective children in Yenisei Siberia in 20–30s of the 20th century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, no. 1-1, pp. 136-140. (In Russian).
4. *Kashchenko V.P. (ed.).* *Defektivnyye deti i shkola* [Defective Children and School]. Moscow, 1912, 125 p. (In Russian).
5. *Kalinnikova-Magnusson L.V., Magnusson M.* Sotsial'naya politika v otnoshenii detskoj «defektivnosti» v voyenno-revolutsionnyy period i v pervuyu dekadu sovetskoy vlasti (1914–1927 gg.) [The social policy on child “defectiveness” during the First World War, revolution and the first decade of soviet power (1914–1927)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2005, no. 1, p. 158. (In Russian).
6. *Kashchenko V.P., Murashev G.V.* *Isklyuchitel'nyye deti. Deti nervnyye, trudnyye i slaboodarennyye. Ikh izucheniye i vospitaniye* [Exceptional Children. Nervous, Difficult and Poorly Gifted Children. Their Examination and Education]. Moscow, 1929, 125 p. (In Russian).
7. *Shcherbinin P.P.* «Fizicheski-defektivnyye deti» i ikh prizreniye v pervoy treti XX veka: regional'nyy aspekt [“Physically defective children” and their care in the first third of the 20th century: the regional aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148. (In Russian).
8. *Shcherbinin P.P.* «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popechitel'stvo do i posle 1917 goda [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage before and after 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).

9. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of Soviet Country: From State Policy to Everyday Realities. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, 2015, 382 p. (In Russian).
10. Badulin V.V. Uchrezhdeniya sotsial'nogo vospitaniya [Institutions of social education]. *Narodnoye obrazovaniye v RSFSR (po statisticheskim dannym Narkomprosa na 1-e aprelya 1923 g.)* [Public Education in RSFSR (According to Statistical Data of People's Commissariat for Education on April 1, 1923)]. Moscow, 1923, pp. 10-12. (In Russian).
11. Ryabinina N. Po delam «moral'no-defektivnykh» [On materials of “morally defective”]. *Rodina – [Rodina]*, 2011, no. 11, pp. 99-101. (In Russian).
12. Vasilyeva E.A. Zadachi sotsial'nogo vospitaniya [Tasks of social education]. *Vestnik prosveshcheniya [Vestnik of Enlightenment]*, 1919, no. 1-2, pp. 10. (In Russian).
13. Smirnova T.M. Detskiye doma i trudkolonii: zhizn' «gosudarstvennykh detey» v Sovetskoj Rossii 1920–1930 gg. [Orphanages and “trudkoloniyas” (work-houses): “state children” life in Soviet Russia in 1920–1930s]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*, 2012, no. 3, pp. 16-38. (In Russian).
14. Kukulin I.V., Mayofis M.L., Safronov P.A. (eds.). *Ostrova utopii: Pedagogicheskoye i sotsial'noye proyektirovaniye poslevoyennoy shkoly (1940–1980-e)* [Utopia Islands. Pedagogical and Social Design of Post-War School]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015, 696 p. (In Russian).
15. Kelly C. *Children's World, 1890–1991*. New Haven, London, Yale University Press, 2007.

Информация об авторах

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ документов, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Шикунова Инна Александровна, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, обработка материала, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербинин Павел Петрович
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Поступила в редакцию 12.05.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.06.2019 г.
Принята к публикации 05.07.2019 г.

Information about the authors

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Contribution: study conception, documents analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Inna A. Shkunova, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: inna-barsukova82@mail.ru

Contribution: source material acquisition, material processing, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9154-9071>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Pavel P. Shcherbinin
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Received 12 May 2019
Reviewed 10 June 2019
Accepted for press 5 July 2019